

Люба Вассерман (Любовь Шамовна Вассерман) родилась в 1907 году в польском местечке Славатыче в бедной семье. В юности работала прислугой в богатых домах, читать и писать выучилась самостоятельно, с пятнадцати лет начала писать стихи. В 1925 году уехала в Палестину, работала в киббуце, на строительстве дорог, санитаркой в больнице. Стала членом компартии Палестины. В 1931 году в Тель-Авиве вышел сборник стихов Л. Вассерман «Фарнахтн» («Вечера»).

С 1934 года она в Биробиджане. Здесь поэтесса вливается в литературную среду и активно публикуется в областной идишеязычной прессе. В начале 1949 года все еврейские учреждения ЕАО были ликвидированы, а в июле того же года по так называемому «Биробиджанскому делу №68» были арестованы и в дальнейшем приговорены к 10 годам лишения свободы практически все литераторы области. Не избежала этой участи и Л. Вассерман, отбывавшая наказание до 1956 года в одном из сибирских лагерей.

Выйдя из неволи, поэтесса вернулась в Биробиджан, работала в газете «Биробиджанер штерн», а после смерти мужа переехала к сыну в Кишинев, где и провела последние годы жизни.

В 1968 и 1987 годах в Хабаровском книжном издательстве вышли две книги стихов Л. Вассерман в переводе на русский язык. В 1980 году московское издательство «Радуга» выпустило коллективный сборник еврейских поэтов Биробиджана «Родная земля» с переводом текстов на английский язык. Вошли в этот сборник и стихи Любы Вассерман. Ее перу принадлежат не только стихотворения, но и множество газетных материалов. Л.Ш. Вассерман – автор более десятка журнальных публикаций в жанре рассказа. Один из этих рассказов мы и предлагаем нашему читателю.

Перевод с идиша: Валерий Фоменко

ДОМ

Люба Вассерман

Звали его Лейба. Столяры дали ему прозвище «Непоседа». По профессии этот человек рабочий-строитель.

В свое время приехав в Тихонькую с первыми переселенцами худощавым долговязым пареньком, с годами Лейба возмужал, раздался в плечах и даже прибавил в росте. Здесь, в новом для него краю, Лейбе больше всего полюбились немалочисленные реки и речки. Особое к ним отношение он унаследовал от отца, всю жизнь промышлявшего рыбной ловлей. Тот брал сына помогать тянуть сети, когда он еще совсем мальцом был. Так что, прибыв к месту назначения, новосел наш неспроста первым делом поинтересовался тем, сколько должно быть в этих дальних краях разных водоемов, если даже в названиях «Приамурье» и «Биро-Биджан» звучат имена аж трех рек.

– Вот это, черт возьми, река так река! – невольно вырвалось у Лейбы, когда он впервые увидел Амур.

«А сколько же можно построить здесь водяных мельниц, электростанций, сколько можно пустить на воду речных судов и сколько мостов соорудить! А уж о добыче рыбы даже говорить нечего. Ну и на берегах же обязательно надо что-то возвести и соорудить!» – размышлял Лейба.

К месту сказать, столяры прозвали Лейбу «Непоседой», потому что этот их товарищ имеет привычку постоянно все что-то разглядывать, что-то выискивать и замечать. Однажды он по бездорожью пешим ходом добрался до Амура и прошагал вдоль него не один десяток километров, не переставая восхищаться: «Да это не река, а настоящее море!» И не в силах уйти от места, где шумят амурские волны, он надолго на месте том и оставался. Так что, кажется, нет в селе под названием Амурзет ни одного дома, к сооружению которого не приложил бы руку Лейба. Через некоторое время его отправили на строительство мехмастерских в Бирофельд, позднее ему поручили организовать курсы столяров в Валдгейме, где он со своими учениками и трудился на строительстве жилья для тамошних колхозников. Ну а теперь Лейба работает в Биробиджане и состоит уже в должности прораба.

В будущем городе в конце довольно длинной улицы – улицы Постышева – стояло несколько старых и довольно невзрачных домишек (а вернее будет сказать, попросту лачуг). Никто вам тут не мог сказать, кто и когда их построил и на какой стороне улицы – то ли на правой, то ли на левой – располагалась каждая из тех хибарок, но только все они почему-то значились здесь под одним и тем же номером – номером 63. Между этими в беспорядке разбросанными избами вечно стояла широченная лужа, подернутая зеленоватой пленкой, а по краям обширного разлива там и сям торчали из бурьяна полусгнившие обломки пеньков и древесных корней. Летними ночами все это пространство оглашалось тягучим пением лягушек.

Примечательным было то, что поначалу в Биробиджане, кажется, не было ни одного шофера или возчика, которому не пришлось бы известным образом довольно-таки близко познакомиться с той постышевской «болотиной». Так что вовсе нередко здесь наблюдались драматические сцены, собиравшие, случалось, с десятков, если не больше, любопытствующих зрителей. Ну а уж за полезными советами неудачнику – то ли автомобилисту, то ли гужевику, беспомощно стоявшему в грязи выше колена – тут, как оно всегда в таких случаях бывает, далеко ходить не требовалось. Возчики те, чуть не

срывая голос, понукали бедных лошадок и не жалели кнута (выражения при этом звучали далеко не цензурные), у шоферов в ход шло все, что только можно подложить или подбросить под буксующие колеса грузовика. Иногда случалось и так: из неподалеку стоявшей кирпичной бани выходила группа красноармейцев, и парни, подоткнув под ремень полы шинелей, наваливались плечами на кузов застрявшей машины и так помогали ей покинуть место непредвиденной стоянки. Правда, ребята при этом перемазывались с ног до головы – впору хоть снова в баню ступай. Но бывало, что «скованный» болотной жижей грузовик так и стоял посреди улицы в ожидании трактора с большими, едва ли не в человеческий рост, зубастыми колесами. Если же тот трактор не удавалось найти сразу, то «невезучая» машина застревала на Постышева на всю ночь. Так что с полным на то основанием топкое место в конце названной улицы биробиджанские остроумцы из водителей окрестили «гаражом». И действительно: как ни посмотришь, стоит на улице Постышева машина с выключенным двигателем (и хорошо еще, если такая только одна). А вокруг той машины цветет-расцветает радужными бензиново-керосиновыми пятнами болотная вода.

И вот однажды июньским утром рядом с одним из крайних домов № 63 люди увидели человека, устанавливающего на берегу вышеописанного «водоема» аппарат под названием нивелир. Низко наклонившись, человек этот приложился одним глазом к окуляру прибора и долго что-то рассматривал сквозь стекло. Уж не рассчитывал ли он кроме всего прочего в точности измерить еще и глубину постышевского болота? На улице тотчас заговорили:

– Ну уж если Лейба-прораб здесь появился, то это не просто так. Точно что-то строить будут.

В тот же день через примыкающий к заболоченному участок улицы начали рыть канавы, так что вода начала послушно покидать свое топкое ложе, а к концу недели поперек улицы стеной встал высокий дощатый забор. Все как оно и быть должно, да только если прежде, пусть и с горем пополам, здесь люди ездили, то теперь шоферам и возчикам как быть, что делать? Одно только и остается – лишних несколько километров в объезд новой стройплощадки, считай, по бездорожью по нужному адресу «пилить». И тут же иного рода толки пошли: «Забор-то куда легче построить, чем дом – большого ума не надо». – «Видали этих строителей! Вот молодцы! Все перерыто, все перегорожено – ни пройти, ни проехать. Они бы строили так же быстро, как копать умеют».

Еще одна волна протестов на Постышева поднялась тогда, когда здесь стали сносить полуразвалившиеся хозяйственные постройки. Тетушка Бейла, полная пожилая женщина, владелица довольно большого хозяйства, в будни и в праздники неизменно обтянутая зеленым платьем, сверху донизу застегнутым на добрую сотню мелких голубеньких пуговиц, прямо-таки ополчилась на главу «пришельцев»:

– Злыдень! Разбойник! Ты погляди, как твоя эта стройка все тут порушила! Ты только для этого сюда со своей оравой заявился? Чтоб я была так здорова, если тебе не придется за это ответить!

Лейба ни словом не ответил разгневанной хозяйке. Хотя, если требовалось, он мог да и может говорить не только складно, но и убедительно. Если только каким-то делом не занят. А уж если он работает, – что все знают, – то действует при этом с предельной сосредоточенностью. Натянет по самые брови козырек своей выдавшей виды кепчонки так, что и в глаза ему не заглянешь, и ведь даже рта не раскроет. Да и вообще он считает так: чтобы человека в чем-то убедить или чему-то его научить, потребны не речи, а дела. Ну а если очень хочется, то поговорить можно после того, как дело сделано. Например, когда ты то ли дом, то ли коровник, то ли мехмастерскую сдал под ключ. Ну а еще в досужий час можно вспомнить и рассказать массу интереснейших историй о превращении станции Тихонькой в теперешний Биробиджан. Жизнь в те годы прямо ключом била.

Дом на улице Постышева поднялся уже до второго этажа, когда однажды недалеко от стройплощадки появилась какая-то девушка, явно не жительница одной из ближних

избенки. Постоит-постоит незнакомка на обочине дороги минуту-другую, осмотрит подрастающий дом так, словно работу строителей надумала оценить, а через минуту-другую, глядь, уже и не видно ее. Позднее девушка та стала возникать в поле зрения строителей раза по два за долгий летний день. Как-то, желая привлечь к «наблюдательнице» внимание прораба, заинтересованно разглядывавшего в тот момент через свой нивелир дальнюю излучину Биры, каменщик Пейсах громко окликнул Лейбу:

– Слышь, Непоседа. Чем на эту реку любоваться, ты во-он в ту сторону лучше посмотри. Да нет, чуть правей. Девчонка, сразу видать, что надо. Это я тебе говорю.

Каменщик Пейсах, а кроме всего прочего штукатур, маляр и жестянщик, старый приятель Лейбы – рыжеволосый крепыш с лицом, сплошь усыпанным веснушками, тоже носит прозвище. Правда, не очень лестное: в бригаде его Гончаром прозвали. Почему? А все потому, что он вечно выглядит так, будто с головы до ног в глине измазался. Хотя и моется человек как все, а вот поди ж ты. Веснушки-то разве смоешь? Общий портрет Гончара довершает его пятнистый грязно-желтый рабочий комбинезон и вправду ужасно заляпанный класами бетонного раствора. По натуре своей Пейсах – человек общительный, что называется, легкий на подъем и вдобавок завзятый шутник и балагур. Носит очки. И тоже в светлой роговой оправе цвета высохшей глины.

Послушавшись Гончара, Лейба выплюнул под ноги погасшую папироску и повернулся в ту сторону, где на обочине подъездной дороги стояла «девчонка-что-надо». Повернулся, присмотрелся и при виде улыбающейся незнакомки вдруг отчего-то смутился, почувствовав себя неловко от собственного любопытства. Скромно ли это будет – намеренно разглядывать постороннего человека? Хотя, правду сказать, и посмотреть было на что. Невольно задержав взгляд на легкой девичьей фигурке в чуть развевающемся под ветерком голубом платье, Лейба вновь ощутил себя как-то... Ну в общем как-то не так. Невольно попытался застегнуть широко распахнутую на волосатой груди рубаху. Но так и не нашел под рукой пуговиц. Их вообще-то здесь и не было ни одной. Что тут же со смехом прокомментировал Пейсах:

– Это нам надо бы к тетушке Бейле заглянуть. Может, она со своего зеленого платья и перешьет на рубаху нашего Лейбы-Непоседы с десятков пуговиц.

Все это было произнесено нарочито громко – так, чтобы хорошо расслышала и та девушка за забором. Причем смотрел Гончар поверх своих очков все это время на нее же, на что она тут же и отреагировала:

– Эй, паренек! Ты чего это на меня так уставился? Девушек, что ль, никогда не видел?

Пейсах как будто только и ждал случая завязать разговор с симпатичной незнакомкой и за словом в карман не полез:

– А мы тут слыхали, что сюда аж из-за границы целый эшелон невест привезти должны. Вы случаем не знаете, когда он к нам уже прибудет?

В ответ оттуда, снизу, задорно прозвучал насмешливый в тон заданному вопросу ответ:

– А меня как раз делегаткой с этого эшелона сюда и направили. Чтобы, значит, подходящих женихов для тех девчат подобрать. И если тут один товарищ из ваших же сходит вон в ту баню и отмоемся, а заодно и очки свои вымоет, то его мы первым в женихи и запишем.

Достойный ответ шутнику был встречен рабочими дружным хохотом. Заулыбался и оправившийся от смущения обычно всегда серьезный Лейба. Надо сказать, улыбка на его лице появляется нечасто, но, появившись, она прямо-таки преображает весь облик этого человека. Ни дать ни взять само обаяние. Что в эти минуты наверняка не могло пройти мимо внимания «инспектирующей» новостройку особы. Судя по всему, Лейба тоже не остался к происходящему безучастным: по всему видно, боевая девчонка эта. Именно такие ему всегда и нравились.

– Может, вы хотите у нас на стройке поработать? Так всегда пожалуйста, – прокричал в сторону девушки кто-то из рабочих.

– Да нет уж. Не могу, – слышалось в ответ.

– И почему же?

– А потому что. Работа у меня и своя есть. Не всем же дома строить – кому-то надо и одежду людям шить. Вы лучше мне скажите, где и с какой стороны в этом доме самая солнечная комната будет? – вместо ответа задала вопрос девушка и, не желая продолжать пустой разговор, быстро удалилась в направлении швейной фабрики.

3

Стройка шла полным ходом, были выложены стены уже последнего, третьего этажа, а та девушка вблизи дома на Постышева появляться вдруг перестала. Прошел день, второй, третий, но никто ее здесь так и не видел. Во время короткого перекура кто-то из каменщиков как бы между прочим произнес:

– А девчонка-то эта что-то уже и не ходит сюда. Может, на что обиделась после того раза?

Пейсах, несколько дней назад первым завязавший словесный контакт с симпатичной «инспекторшей», отчего-то уверил себя, что уж он-то определенно имеет право продолжить с ней знакомство, возразил:

– Да нет, с чего бы ей обижаться? – и, немного помолчав, добавил: – Не иначе как заболел человек. Надо бы как-то разузнать, где она живет. Точно ж где-то недалеко. Иначе-то она так часто сюда и не приходила бы.

Никто, разумеется, по этому поводу Гончару ничего не сказал. Да и что на это скажешь? Но в то же время каждый из мужчин мог бы признаться, что ощутить к себе хоть какое-то внимание со стороны молодой и красивой девушки ему всегда и в любом случае приятно. (Впрочем, как утверждают люди бывалые, представительницам прекрасного пола тоже нравится наблюдать за мужчинами, когда те заняты каким-то делом или даже когда завтракают-обедают. Так-то вот...) Прораб Лейба в эти дни тоже нет-нет да и вспоминал сероглазую девушку в беретике под цвет таких же ее глаз. Хотя с чего бы тут, спрашивается, что-то помнить?

...Минуло три, а может, даже уже четыре дня, как Хава свалилась в постель с высокой температурой. И надо же было так простудиться! Самая же середине лета. Она неподвижно лежит на кровати, отрешенно глядя в потолок, все ее лицо пышет жаром, щеки кроет неестественно-густой румянец, а и без того большие глаза девушки кажутся сейчас просто огромными. Подчас в тревожном горячечном полусне перед ней одна за другой возникают в памяти тягостные картины прошлого. Вот она видит себя совсем малышкой возле тела матери, по старому обычаю уложенное на пол перед выносом на кладбище, вот в сознании оживают и беспорядочно теснятся все новые воспоминания о полуголодном сиротском детстве (отец девочки тоже рано ушел из жизни). Сейчас все это кажется Хаве далеким и почти нереальным. В отличие от недавних лет...

В ранней юности судьба поманила ее светлой надеждой, неожиданно открыв ей дорогу из захудалого польского городка в одну из южных стран. Только надежда та оказалась призрачной, а дорога не привела к осуществлению заветной мечты о жизни благополучной. Ну а кому неизвестно, что жить благополучно человек может исключительно под крышей собственного дома?

Лет с двенадцати Хава стала наниматься прислугой в богатые дома и потому хорошо знала цену ладно устроенной семейной жизни своих хозяев. Вот только видела-то она жизнь такую со стороны, как бы издали. Самой же ей судьба уготовала долю скиталицы, живущей лишь тем, что, как говорится, бог даст. Не напрасно сложилась поговорка «Девичья красота счастья не дает, а только его зовет». И пусть уж не для счастья, а просто для нормальной жизни человеку что всего-то нужней? Правильно: хлеб на каждый день и крыша над головой.

Все та же надежда на лучшее привела однажды Хава из жарких южных краев на Дальний Восток. В стране социализма, справедливо полагала девушка, человек не может быть всеми покинутым и одиноким. И словно в подтверждение таких ее ожиданий Хаву поселили в шумном общежитии швейной фабрики, в комнате на четырех человек (по пять квадратных метров на каждого). Так что о чем о чем, а об одиночестве здесь речи точно быть не могло.

Очнувшись из полузабытья, Хава ощутила в голове давящую тяжесть, бросила взгляд на часы. Ровно три. До конца рабочей смены в швейном цеху еще далеко, девчата придут не скоро, и Хава невольно погружается в беспорядочно сменяющие друг друга мысли. В памяти оживают картины ее длинной и трудной дороги сюда, в Биробиджан, возникает то сцена торжественной встречи переселенцев на перроне приземистого деревянного вокзальчика, то встает перед глазами кирпичная кладка строящегося дома за высоким забором...

Работу по душе и подруг Хава нашла на новом месте сразу, а вот о подходящем жилье ей довольно долго лишь мечтать оставалось. Правда, мечтать только до недавнего времени. Как одной из лучших работниц фабрики Хаве твердо обещали выделить комнату в одном из строящихся домов неподалеку от «швейки». Мечта обернулась новой надеждой, надежда – ожиданием. Что и стало однажды причиной знакомства девушки со строителями. Хотя какое уж там знакомство? Так...

Хава хочет забыться во сне, плотней закутывается в одеяло и неожиданно слышит скрип открывшейся двери. Вскинувшись, она приподнимает голову и видит перед собой... Нет, ей такое приснилось, что ли? Да и с чего бы это вдруг возле ее кровати оказался тот высокий парень со стройки? Но это был-таки он и никто другой. И уж никак не во сне. Стоит, смотрит на нее, улыбается.

– Вы Лей... Лейба? – шевеля пересохшими губами, чуть слышно произносит Хава. – Кажется, вас так зовут? – спросила она и, сама того не заметив, кончиками горячих пальцев легко коснулась руки стоявшего.

Узнав имя и адрес незнакомки от вездесущего Гончара (Пейсах успел все в деталях разузнать и в бригаде обо всем сообщить), Лейба решил провести недужную. Тот же Пейсах прямо-таки с удовлетворением (а кто, мол, первым-то догадался, что девушка заболела?) известил парней и о том, что Хава больна и лежит в постели с температурой. А тут вот уже второй день не прекращаются ливневые дожди, из-за чего у строителей образовалось два внеплановых выходных кряду, и Лейба отправился в «швейное» общежитие. Ему еще и просто поговорить со «свежим» человеком хотелось. Со своими-то людьми в разговорах обычно одна тема – работа.

Нежданный гость положил на тумбочку принесенный с собой пышный букет рябинника (спиреи, кустарникового растения, которое наши местные жители иногда называют белой сиренью – **прим. переводчика**) и только что присел на табурет в проходе меж двумя кроватями, как опять скрипнула дверь и, на ходу откинув с головы башлык мокрого брезентового плаща, в комнату шагнул Гончар. На лице – не то смущение, не то растерянность: ну вечно этот Непоседа ему или дорожку перейдет, или далеко впереди него окажется! И когда оба они вместе здешние рыбные реки-озера для себя открывали, и особенно когда на курсах азы строительного дела постигали. Однако ж Лейба вот уже мастер-строитель, в должности производителя работ (прораба то есть) ходит, а он, Пейсах, – теперь и каменщик, и штукатур, и даже маляр неплохой – так рядовым рабочим и остается. Вот и сейчас к этой девушке из самой, как он слышал, из заграницы Непоседа опять же вперед него в гости заявился. А ведь кто, если не он, Пейсах, о больной вчера позаботился – и врача к ней вызывал, и в аптеку сбежал, а сегодня вот и конфет двух сортов купил? Лейба же, пожалуй, только вон с тем курчавым венником из цветов сюда пришел...

Когда Лейба, пожелав больной как можно скорее поправляться, тепло попрощался и осторожно прикрыл за собой дверь, Хава бросила взгляд на охапку цветов, источающих

медовый аромат. Еще мокрые листья как будто начали терять свою свежесть, но кремовые и вправду кучерявые соцветия в капельках влаги оставались такими же, как на лугу. Медленно поднявшись с постели, Хава сходила на общую кухню за водой и, наполнив ею глиняный горшок, бережно поставила в него благоухающий букет. Сейчас, перебирая пальцами влажные листья на прутиках-стебельках, девушка невольно почувствовала близость к людям, которые неожиданно для нее самой проявили к ней такое участие. Человек, которого судьба с самого его детства обделила тихим домашним уютом и радостями взросления под родительским кровом, всегда высоко ценит даже малую толику внимания к себе со стороны окружающих.

И как раз в эти минуты Хава с особой благодарностью думала о своих нечаянных гостях: ведь оба они вдобавок ко всему трудятся на сооружении ее будущего дома, нового, настоящего дома... Вернувшиеся с работы девушки удивились, увидев Хаву ну если не совсем здоровой, то, по меньшей-то мере, бодрой и веселой.

– Все, девчонки! – заявила им она. – С понедельника я на работе.

...С того самого дня Лейба стал часто заглядывать в фабричное общежитие. Покидал он его, как правило, не один. И чаще всего его и его спутницу можно было видеть гуляющими где-нибудь на берегу Биры. Хаве все больше нравился высокий молчаливый парень – хозяин «постышевской» строительной площадки. Обоим им, особенно тихими вечерами, во время долгих прогулок нравилось бывать на мосту, где толстые бревна и дощатый настил еще издавали запах свежей лиственничной смолы. А уж какие чарующие картины открывались отсюда взору в часы закатов, отраженных в зеркале широкого плеса, это ж просто никакими словами не передать! Остановись, помолчи и вслушайся в нескончаемое пение торопливой воды на ближнем перекате... И все это вместе взятое: гряда темно-зеленых островов на середине реки, россыпи и цепочки огней по ее берегам, перекличка паровозных гудков за рядом улиц, протянувшихся параллельно Бире, – все это Биробиджан.

Хава плотно сжимает в горячей ладони кусочек металла и все еще не может поверить, что держит – да вот же он! – ключ от собственной квартиры, от комнаты или, если хотите, – от собственного дома. Новое, дотоле неведомое чувство просто переполняет ее сейчас. Легко повернув в замке ключик, Хава осторожно переступает порог. Боже ты мой! Буквально вся просторная комната – и пол, и стены – да самого потолка сплошь залиты сиянием вечернего солнца. И хотя на дворе самое начало зимы, Хава настежь распахивает окно, балконную дверь и, переступив порожек, полной грудью вдыхает чистый морозный воздух. Она долго любуется багровым шаром закатного солнца, вот уже окунувшим один край в сиреневые волны дальних сопков, видит кисею полупрозрачной вечерней дымки над крышами домов. Сверху, с балкона, как-то виднее картина растущего поселка – рабочего поселка, который наверняка уже совсем скоро станет настоящим городом. Вот и еще один дом – ее, Хавы, собственный дом – отныне будет стоять на одной из биробиджанских улиц.

Короток день в начале зимы, и Хава почему-то даже не заметила, как наступили сумерки и за потемневшим окном зажглись мерцающие звездные огоньки. Совсем темно стало и в пустой комнате, у одной из стен которой стоял только узкий топчан, как это выяснилось позже, – подарок-сюрприз, изготовленный для Хавы как раз накануне сдачи дома руками мастера по прозвищу Непоседа. Только хозяйке новой квартиры ну вот нисколько не хочется спать, и именно сейчас ей так бы хотелось с кем-нибудь поговорить и поделиться своей радостью: ведь впервые в жизни своей, после долгих-долгих странствий по белому свету она обрела наконец долгожданное и такое желанное пристанище. Как же она благодарна теперь пусть временами и суровой, и переменчивой, но все же, наверное, отходчивой и не всегда такой уж неласковой своей судьбе! Разве не ей было угодно однажды свести Хаву с человеком по имени Лейба, который и построил со своими друзьями-товарищами этот дом? Нет, ей надо непременно пригласить их всех на ужин по случаю новоселья. И как она раньше об этом не подумала?

Хава торопливо сбегает по лестнице, выходит во двор. В округе властвует ночь, но морозной ее тишине все не дает устояться шум, который доносится из левого крыла нового дома. Строители еще не ушли оттуда и торопятся завершить здесь все свои дела до скорого наступления нового года. Хава останавливается, невольно ищет глазами место, с которого она тогда, летом, наблюдала за подрастающими стенами вот этого самого дома, и в тот момент чувствует на своем плече легкое прикосновение чьей-то руки. «Опять Пейсах», – мелькнула догадка. Быстро обернувшись, Хава видит перед собой Лейбу и совсем близко – его улыбающееся лицо. Девушка отвечает ему радостным смехом. Он делает ей шаг – нет, всего полшага – навстречу. Ну вот же непорядок какой: разве можно в такой холод ходить в пальто нараспашку? Ведь простудится... Какие же горячие у этой девчонки ладони!..

Как все-таки много всего хотелось Лейбе рассказать этой девушке! В тот вечер (хотя правильней будет сказать не «в тот вечер», а «в ту ночь») обычно молчаливый и неулыбчивый, он говорил так, что его хотелось слушать и слушать, ловить буквально каждое его слово. Все так: разве может быть неинтересной жизнь людей, создающих города и села на месте зеленой бездорожной пустыни, на земле, от начала мира не знавшей топора и плуга?

...Они сидят на ложе, сбитом из гладко оструганных досок, тесно прижавшись друг к другу, голова Хавы совсем по-младенчески лежит на широком плече Лейбы. Он на минуту смолкает, в комнате воцаряется тишина. Хава, не открывая глаз, произносит:

– Может, включить свет?

– Не надо, Хава. Посмотри, светать начинает. Утро уже.